

Книги Ника Перумова

КОЛЬЦО ТЬМЫ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК

ЧЁРНОЕ КОПЬЁ

АДАМАНТ ХЕННЫ

ХРОНИКИ ХЬЁРВАРДА

ГИБЕЛЬ БОГОВ

ВОИН ВЕЛИКОЙ ТЬМЫ

ЗЕМЛЯ БЕЗ РАДОСТИ

ГИБЕЛЬ БОГОВ - 2

Книга первая. ПАМЯТЬ ПЛАМЕНИ

Книга вторая. УДЕРЖИВАЯ НЕБО

Книга третья. ПЕПЕЛ АСГАРДА

Книга четвёртая. АСГАРД ВОЗРОЖДЕННЫЙ

ТЫСЯЧА ЛЕТ ХРОФТА

Книга первая. БОРГИЛЬДОВА БИТВА

Книга вторая. МОЛОДОЙ МАГ ХЕДИН

ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ (в 2 т.)

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

Хранитель Мечей

РОЖДЕНИЕ МАГА

СТРАНСТВИЯ МАГА (в 2 т.)

ОДИНОЧЕСТВО МАГА (в 2 т.)

Война Мага

ДЕБЮТ

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

ЭНДШПИЛЬ

КОНЕЦ ИГРЫ (в 2 т.)

СЕМЬ ЗВЕРЕЙ РАЙЛЕГА

ТЁРН

АЛИЕДЗОРА

ИМЯ ЗВЕРЯ (в 2 т.)

ТЕХНОМАГИЯ

РАЗРЕШЁННОЕ ВОЛШЕБСТВО

ВРАГ НЕВЕДОМ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

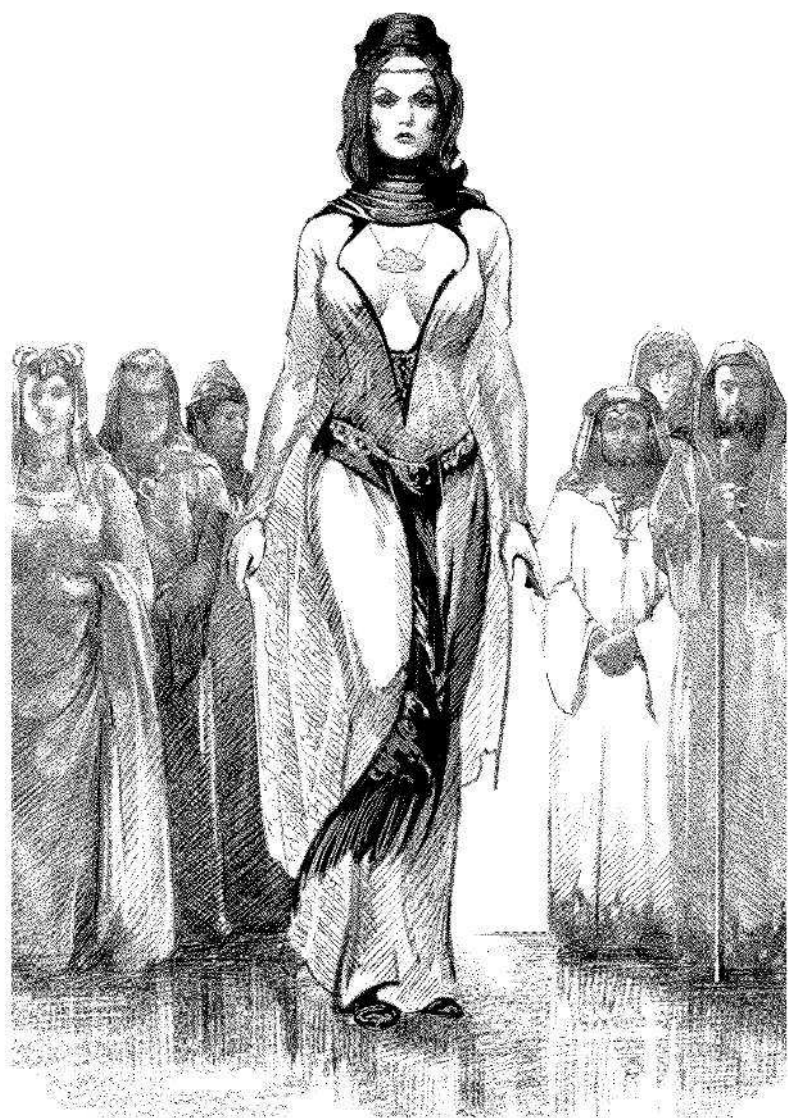
ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ДРАКОНОВ (с С. В. Лукьяненко)

ЧЁРНАЯ КРОВЬ (с С. В. Логиновым)

МЛАВА КРАСНАЯ (с В. В. Камшой)

Ник
ПЕРУМОВ

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ,
ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

Художник Владимир Бондарь

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 26

Оформление серии *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете
и внутренние иллюстрации *В. Бондаря*

Перумов, Ник.
П 26 Алмазный Меч, Деревянный Меч / Ник Перумов. — Москва :
Эксмо, 2018. — 784 с. — (Ник Перумов. Коллекция).

ISBN 978-5-699-77398-5

Император Мельина начинает войну с магами. Когда-то они приучили его быть жестоким; теперь он покажет им, каково от этого пострадать. В то же самое время Агата из племени Дану, служанка в цирке, находит в лесу магический Деревянный меч, Иммельсторн. От того, в чьи руки он попадет, будет зависеть судьба ее поработанного народа... Гном Сидри ведет крохотный отряд в далекое подземное царство, чтобы добыть некий древний артефакт его братьев. И за всем этим наблюдают странные козлоногие пришельцы из другого мира — их собственная цель не ясна, но вряд ли она может быть такой уж благой.

Два тома культового романа одной книгой!

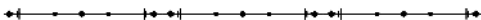
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77398-5

© Перумов Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Сам же автор будет очень рад узнать
мнения читателей,
ведь вся моя работа — только ради вас. Пишите.*

*Мои электронные адреса:
perimov@fantasy.ru или 2:5030/618.2 fidonet.org*

*Посвящается моим друзьям,
старым и новым,
сетевикам-фидошникам и иным.
Автор не может не выразить им
свою особую признательность за то,
что они есть.*

ПРОЛОГ

ПРОРОЧЕСТВА

«Когда Два Брата обретут свободу, наступит конец времён».

«Будет народ Дану доведён до отчаяния. И когда останется их меньше, чем речных камешков в горсти, отмщение их состоится».

Îäîáëñíë Мудрая, Видящая народа Дану

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ, СИМВОЛ ВЕРЫ СПАСИТЕЛЯ

«Истинно говорю вам — бывает так, что малый грех обращает в ничто целую праведную жизнь, и за прегрешение одного страдают все. Внемлите же! Праведно живите и скромно, ибо копятя грехи мира, и настанет день, когда они будут взвешены и измерены, и никто не узнает, какой из малых грехов качнёт Чашу Терпения Его».

И ещё, и также истинно, говорю вам — трепещите! Ибо Три Зверя Спящих должны получить свободу, но не дана будет им власть вредить тварям живым сразу, а лишь по прошествии трёх дней. И пока все Три не освободятся, не прольётся Чаша. Так взмолимся же, дабы отвёл Он от нас участь сию! Аминь».

ТОМ ПЕРВЫЙ

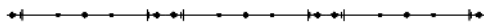
ГЛАВА 1

До Хвалина бы добраться, покуда Ливень не нагнал... Она проснулась, вырвавшись из зыбкого, зябкого сна. Сквозь щели и прорехи фургонного полога сочился промозглый октябрьский ветер. Ветхое и кургузое одеяльце не спасало, если бы не смертельная усталость, она не сомкнула бы глаз до утра. Очень болел старый шрам на шее — к дождю. Старый и страшный шрам... очень страшный...

Опять дорога. Будь она проклята. И вечное «...покуда Ливень не нагнал...», в разных вариациях повторяемое всей без исключения труппой.

Да, здешний Ливень действительно мог бы именоваться именно так, с большой буквы. Он и впрямь должен был не «зарядить», а нагнать — мрачное и тёмное небесное воинство шло с востока, горизонт клубился чёрным, словно там, вдали, полыхали невиданные пожары — но обо всём, что касалось Смертных Ливней, люди старались говорить самыми обычными словами, как будто это могло уберечь от льющейся с небосвода смерти!

На сей раз эти слова произнёс Кицум, старый клоун, никогда не расстававшийся с бутылкой. У него уже здорово тряслись руки, а изо рта пахло какой-то алхимической гадостью, даже когда он — редкое дело! — случайно оказывался трезв. На помост он выходил только

после «маленького глоточка на удачу». Объём «глоточка» менялся от двухкулачной кружки до целой бутылки забористого гномьего «Каменного жара».

Она поёжилась, тщетно пытаясь сберечь последние остатки тепла. Всё, сейчас её поднимут. Фургон остановится самое большое на несколько минут, набрать воды в придорожном колодце, а затем потащится дальше, через лесное, буреломное безлюдье, через Суболичью Пустошь, отделявшую славный град Хвалин от не менее славного града Острага.

«...Только бы успеть, покуда Ливень не нагнал...»

Они не останавливались на ночлег. Не разводили на привалах огня. Пищу кое-как варганили на железной печурке, опасая ради вынесенной за борт фургона.

Потому что, если дождь застигнет в пути, всем им можно читать отходную.

Не дожидаясь пинка в бок, девушка откинула одеяло и потянулась — легко, грациозно, словно дикая кошка. Что, кстати, было не так уж далеко от истины. Заострённые ушки и в самом деле придавали ей определённое сходство с кошкой — притом именно с дикой.

Агата — из племён Дану. Точнее, Агатой её звали люди — за редкостные волосы, иссиня-чёрные, чернее воронова крыла; а как звучало её настоящее имя, никого не волновало.

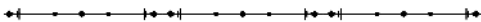
— А, очухалась... — Кицум сидел на облезлом сундучке с реквизитом и пил дымящийся чай из костяной потрескавшейся кружки. Фургон немилосердно трясло, однако старый клоун неведомым образом ухитрялся не пролить ни капли.

Боги! Кицум пьёт с утра чай!

— Давай-ка за дело, остроухое отродье. Вон котлы с вечера не чищены. А воды за тебя — и сюда и господину Онфиму — Троша натаскал. Дала б, что ли, парню в благодарность...

Девушка (вернее сказать — девочка; по человеческим меркам она выглядела лет на четырнадцать, не старше; а сколько по счёту нечестивцев Дану, всякий верующий в Спасителя, Истинного Бога, никогда не станет и задумываться) насмешливо присела, пальчиками оттянув в стороны складки широких порток.

— Если ты пьёшь чай, то неужто сие значит, что бочонок гномьего показал дно, о почтенный Кицум, да не опадёт белизна грима с твоих щёк на помосте? — Агата ловко увернулась от пущенного ей в голову дрраного башмака и показала старику язык.

Кицум относился к ней *лучше всех* в труппе. Если не считать, конечно, Троши, такого же парии, как и она.

Башмак врезался в полог и, завершая полёт, опустился прямоком на голову рекомому Троше, молодому парню, взятому в цирк господ Онфима и Онфима за редкостное здоровье, от природы громадную силу и столь же громадные благоглупость вкупе с доверчивостью. Тяжёлые железные шары, соединённые цепью, в его руках казались легче пуха. Троша подбрасывал их, ловил, крутил, перекидывал из руки в руку, вызывая неизменные охи, вздохи и закрывание шалими лица у дебелих купчих, по неразумию мужей угодивших на Хвалинскую, Острагскую либо Ежелинскую ярмарки. Почти каждое выступление заканчивалось тем, что господин Онфим-первый брал Трошу за руку и куда-то уводил; всякий раз хозяин цирка возвращался весьма довольным. Парень же появлялся не иначе как на следующее утро и на жадные расспросы Тукка и Токка, братцев-акробатцев, отвечал лишь недоумённым пожиманием плеч: «Да всю ночь на мне скакала, корова треклятая... Лучше б я шары лишний раз повертел. Удоволь... чего? Не знаю я таких слов, господин Тукк, простите великодушно... Устал, вот и всё. И выспаться не дали. Как всегда...»

— Ой, — дисциплинированный Троша немедля открыл глаза. — Виноват, господин Кицум... Уже встаю, господин Кицум...

— Помочь вам оправиться, господин Кицум? — искусно поддельвая голос, продолжила Агата, уже склонившись над котлами.

— Болван!.. Тьфу, Агата, блудливая кошка, это опять ты! Который раз ловлюсь на твоём дурацком фокусе!..

Девушка-Дану фыркнула.

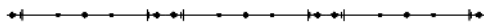
Пока не проснулись господин Онфим, братцы-акробатцы и прочие обитатели двух цирковых фургонов, она могла себе это позволить. Потом в ход пойдут кнуты. Если, конечно, она не будет слушаться.

Агата пригнулась ещё ниже.

Песок да ледяная вода — и оттирай, как хочешь, застывший жир с накипью. Как бы плохо ни шли дела, господин Онфим-первый и братцы-акробатцы, наушники и прихлебатели хозяина, в еде себе не отказывали. Правда, потом господин Онфим брал плётку и лично сгонял с повизгивающих братцев лишний жирок.

— Привет, Троша.

— Ой, привет, Агатка... — Он покраснел, в один миг сделавшись смуглым, точно пропечённый солнцем дикий южанин-рыбод с полуденного берега Внутренних Островов.

Смешно — парень, которого на ярмарках каждый день подсовывали какой-нибудь купчихе, а то и скучающей барыне из благородных, пасовал и смущался перед Агатой неимоверно. Бесхитростное его сердце, похоже, навеки оказалось пленено остроухой черноволосой девчонкой-Дану, отвратной и богомерзкой Нелюдью, согласно авторитетному мнению господ богословов Мельина, южной имперской столицы.

— Ты принёс воды, спасибо.

Не больно-то радостно начинать день со столь малоприятной процедуры, но что поделаешь. Никто не знает, что может вывести из себя господина Онфима-первого. Порой он не обращает на чистоту посуды никакого внимания, а порой закатывает из-за этого несусветные истерики, кончающиеся побоями и порками.

Троша хотел было ответить, но засмущался ещё больше и только махнул рукой.

— Дык что я... я ж всегда...

— Эй, вы, там, продрали глаза, тушканы ленивые? — гаркнул с козел Нодлик, вторую половину ночи просидевший за кучера. Вообще-то они с супругой Эвелин были жонглёрами; оба то и дело наставляли друг другу рога, ссорились и дрались, однако тотчас же приходили к полному согласию, когда дело касалось насмешек или оскорблений по адресу Агаты.

— Сколько мы отмахали, Нодлик?.. Давай бросай вожжи, у меня чай тут имеется, — откликнулся Кицум. — Холодная дорога леденит грудь и душу, пора маленько отогреться!

Агата никогда не могла понять, как можно одинаково относиться ко всем — и к ней, и к Троше, и к Нодлику с Эвелин, находившим своеобразное удовольствие в том, чтобы сделать девчонке-Дану очередную гадость.

— Чай? Ты сказал — чай, о величайший из комиков? — возопил Нодлик. — Гони сюда эту драную кошку! Агата! Давай шевелись, не то мигом у нас схлопочешь!

«У нас» было сказано недаром. Эвелин никогда не упускала случая принять участие в расправе.

— Оставь её, Нодлик. Она драит котлы.

— А-а... самое место для такого дерьма, как эти Дану. Ну тогда Трошу сюда.

— Ага, ага, счас, господин Нодлик... — заторопился силач.

Нодлик швырнул ему вожжи (ловко угодив при этом концом одной из них Троше в глаз) и перелез с козел внутрь фургона. Был он высок, но весь какой-то нескладный, костлявый, изломанный, с длинной унылой физиономией, оживить которую не мог никакой грим. Лоб жонглёра покрывали многочисленные ало-синюшные прыщи; редкие волосы, пегие от седины, висели сальными сосульками — а ведь Нодлику по людскому счёту исполнилось всего тридцать пять!..

— М... уже встаём?.. — осведомился хриплый голос, как будто бы принадлежавший женщине. — Эй, стерва, мой завтрак готов?

«Стерва» было у Эвелин самым ласковым словом для Агаты.

— Она чистит котлы, подружка, — счёл нужным заметить Кицум.

— Ну ты и козёл... Нашёл, что ей поручить... Пусть бы Онфим ей ещё и за это всыпал — всё развлечение...

Эвелин выбралась из-под пары одеял — в отличие от Агаты, дольствовавшей какими-то лохмотьями, у всех прочих, включая Трошу, имелись нормальные одеяла, господа Онфимы понимали, что от простуженного артиста толку мало. Однако мысль о том, чтобы поделиться теплом с *Нелюдьё-Дану*, не пришла в голову даже простодушному Троше. Собственно, в этом смысле он ничем не отличался от остальных.

Агата дёрнула щекой.

«*Они все просто грязные свиньи. Грязные, пьяные, совокупающиеся свиньи. Свинья может опрокинуть Дану в грязь, но истинный Дану никогда не обернёт свой гнев против неё*», — хотя, по правде говоря, сия сентенция, извлечённая из Аџа́нн-џе́у́ А́ххимм, Тан-эу-Ахим, если писать примитивными людскими буквами, Царственного Шестикнижия, последнее время что-то перестала утешать Агату.

Теперь все обитатели первого фургона были в сборе. Кицум, Нодлик, Эвелин, Агата и Троша, сидящий на козлах. Позади тащился второй фургон их цирка — существенно больше и богаче. Полог над ним был новым и прочным, без единой прорехи. Там ехали сам господин Онфим-первый, Еремей — заклинатель змей, братцы-акробатцы и Таньша — Смерть-Дева, как прозывали её ярмарочные зазывалы. Сам господин Онфим, как и положено хозяину, занимался сбором денег и раздачей жалованья. Его единоутробный брат Онфим-второй сидел в Ежелине, отправляя посредством почтовых заклятий брату известия, где и когда будет выгоднее всего устроить представление.

Агата — прислуга, посудомойка, швея, повариха, танцовщица, музыкантша, акробатка, живая кукла, которую Кицум на потеху